

20 декабря 1987 г.

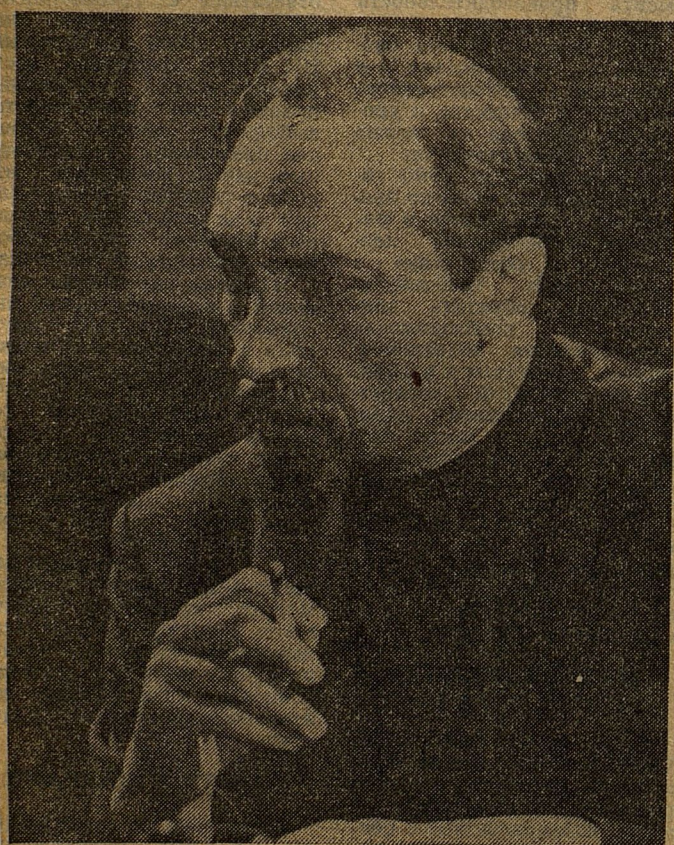
СОВЕТСКИЙ ПАТРИОТ

ВСТРЕЧА ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Народный артист РСФСР, лауреат Государственных премий РСФСР и СССР Михаил КОЗАКОВ:

«Делать жизнь с кого»

У Михаила Козакова поистине счастливая актерская судьба. Еще будучи студентом школы-студии МХАТ, он уже играл в нескольких спектаклях этого театра, а на третьем курсе был приглашен сниматься в фильме М. Ромма «Убийство на улице Данте», после чего сразу же приобрел широкую известность. По окончании учебы он создает на сцене театра образ Гамлета и становится самым молодым и, несомненно, талантливым исполнителем этой труднейшей роли. Десятки ролей сыграны в театре и кино. Особое место среди них занимает образ «рыцаря революции» Феликса Эдмундовича Дзержинского.

НА СНИМКЕ: Михаил Козаков в роли Дзержинского. (Снимок сделан во время съемок фильма «Синдикат-2»). Фото Н. АГЕЕВА.

— Михаил Михайлович, совсем недавно мы отметили Большой наш праздник — 70-летие Великого Октября. И вот буквально вслед за этим другая дата: 70 лет с момента основания Всесоюзной чрезвычайной комиссии (ВЧК) во главе с Дзержинским. Судьба этого человека — уникальна, личность — светла и неповторима, а вся его жизнь — образец беззаветного служения идее пролетарской революции.

Вам трижды довелось воплотить на экране образ первого чекиста, как часто называли Дзержинского. Какой след оставила эта работа в вашей творческой биографии, вообще в жизни?

— Соприкосновение с личностью такого масштаба мне как актеру дало неизмеримо много, обогатило, заставило отказаться от стереотипов и по-иному взглянуть на считавшееся бесспорным, хрестоматийным. Я бы назвал Дзержинского совестью эпохи социализма. Его бурная, страстная, цельная натура с такой исключительной яркостью проявляла себя в послереволюционные годы, он с таким неистощаемым мужеством стоял на самых передовых постах, что фигура его приобрела легендарный характер еще при жизни. Он не горел ровным, спокойным пламенем, он был огнедышащим факелом, либо закигавшим сердца людей своим великим энтузиазмом борца, либо сплавлявшим своих противников бешеной ненавистью.

Поскольку имя Дзержинского больше всего было связано с его ролью председателя ВЧК, многие представляли его себе человеком замкнутым и суровым. Но за этой сурово-

стью таилась огромная любовь к человечеству.

Не сочтите за громкие слова, но встреча с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским, пусть заочная, подобна очищению.

— Если вспомнить все фильмы и спектакли, где в числе других действующих лиц есть и Дзержинский, список получится немалый. Можно ли на этом основании утверждать, что его образ нашел достойное отражение в театральном и киноискусстве?

— Нет, конечно, этот человек заслуживает гораздо большего. Председатель ВЧК присутствует почти во всех фильмах и спектаклях — а их число приближается к трехзначному, — посвященных Ленину. Да по-другому и быть не может: ведь он был одним из самых близких и самых верных соратников Ильича. Однако только в одном фильме «Вихри враждебные» Дзержинский на виду у зрителя, как говорится, «от» и «до», то есть является его главным героем. Во всех остальных он появляется лишь в эпизодах.

Пользуясь случаем, хочу назвать некоторых исполнителей роли Дзержинского, чьи имена, вероятно, мало знакомы сегодняшнему зрителю. Это актер МХАТа В. Марков, игравший в фильме «Ленин в 1918 году»; он же в начале 40-х годов воплотил образ Дзержинского на сцене этого театра в спектакле по пьесе Н. Погодина «Кремлевские куранты». В послевоенные годы в роли создателя ВЧК снимались актеры В. Емельянов из Перми, А. Фалькович из Баку, москвич О. Ефремов. А в 60-е годы на экраны вышли фильмы «Шес-

тое июля» и «Синяя тетрадь», где играли еще молодые тогда Василий Лановой и Василий Ливанов.

Из зарубежных исполнителей нельзя не назвать польских актеров Петра Гарлицкого и Кшиштофа Хамеца, создавших образ Дзержинского в фильмах «Особых примет» и «Крах операции «Террор».

— Как вы объясняете совершенно бесспорный с точки зрения киноискусства факт, когда актер, в данном случае вы, практически в течение года играет роль одного и того же человека сразу в трех телефильмах: «Синдикат-2», «Государственная граница» и «20 декабря»? И было ли для вас неожиданно приглашение на роль Дзержинского?

— Сказать по правде, особой неожиданности для меня в этом не было, поскольку, как это ни покажется странным, всей своей предшествующей жизнью я был подготовлен к этой встрече. Ведь в нашей семье с давних пор царит культ Дзержинского, здесь о нем говорили, когда меня еще не было на свете. Моему отцу не раз доводилось слушать выступления Феликса Эдмундовича, а перед войной он написал пьесу «Чекисты». Отец рассказывал, что пьеса его была выражением протеста против необоснованных репрессий 1937—1938 годов. Работая над ней, он все время помнил заповедь Дзержинского о том, что чекисту необходимо иметь холодную голову, горячее сердце и чистые руки. Акцент он делал, естественно, на последнем.

Ну а после войны отец написал два романа о чекистах,

о Дзержинском — «Пролетарский якобинец» и «Петроградские дни». И все это я читал, хорошо знал. Кроме того, у отца было немало черновых заметок, дневниковых записей... Когда же я начал подготовку к работе над ролью, то изучил кипы подлинных документов, переписки, просмотрел множество фотоматериалов и кинохроники.

Понему согласился на участие сразу в трех телефильмах, а не выбрал какой-то один? Но разве можно было отказаться? Это же редкостная удача, она выпадает только раз в жизни. К тому же я чувствовал себя готовым, ощущал в себе огромный запас сил и поэтому не боялся повториться.

По драматургическому материалу, насыщенности событиями, глубине разработки образа в наиболее выгодном положении оказался последний телефильм. Дзержинский в нем — главное действующее лицо. Он и политик, и дипломат, и воин.

— За вами, Михаил Михайлович, прочно закрепилось амплу романтичного героя, вы всегда тяготели к Пушкину, Лермонтову, Шекспиру, Гете, Ростану...

— Вы хотите сказать, что Дзержинский выпадает из этого ряда? Я так не думаю. Феликс Эдмундович пылко любил поэзию и знал ее, сам писал стихи, но из скромности редко читал их. Зато, например, стихи Адама Мицкевича в его исполнении звучали возвышенно и проникновенно. Он глубоко и тонко разбирался в музыке, особенно боготворил Шопена. Вот несколько

строк из его письма, датированного 1914 годом: «Чем ужаснее ад теперешней жизни, тем яснее и громче я слышу вечный гимн правды, красоты и счастья... Жизнь даже тогда радостна, когда приходится носить кандалы».

— По свидетельству людей, близких знавших Дзержинского, он обладал фантастической работоспособностью. Но вот когда я смотрел телесериал «20 декабря», меня не покидало ощущение, что вы сознательно еще больше подчеркиваете эту сторону его натуры.

— Думаете, что это преувеличение? Нисколько. Иначе он просто не мог. Феликс Эдмундович не довольствовался только руководством. Он жаждал действовать и потому нередко сам ходил на обыски и аресты, допрашивал обвиняемых, рылся в изобличительных материалах. Он просиживал в ВЧК ночами, ему некогда было сходить домой. Спал тут же, в кабинете за ширмой. И столовался тут же — курьер приносил ему в кабинет еду, какой питались все сотрудники ВЧК. А когда его пытались накормить получше, подав, например, вместо конины поджаренный с салом картофель, он очень сердился и ругал курьера. Дзержинский не допускал для себя исключений.

А какая кристальная нравственная чистота была свойственна этому человеку! Известен случай, когда он настоял на увольнении сотрудника, который хотел пристроить на хорошее место его родную сестру.

— Сегодня нужно, наверное, сказать хотя бы не-

сколько слов о Дзержинском как о председателе ВСНХ. И вовсе не для того, чтобы не оставить, как говорится, белых пятен. А потому, что сегодня мы с удивлением обнаруживаем, насколько мысли его и идеи, высказанные в 20-х годах, близки и созвучны нынешним задачам перестройки.

— О, здесь несколькими словами не обойтись. Но вот мне, например, как человеку от экономических проблем в общем-то далекому, наиболее привлекательной представляется мысль Дзержинского о доверии. Кажется, после поездки по предприятиям юга он вернулся с твердым убеждением в непригодности системы управления, базирующейся на всеобщем недоверии, требующей от подчиненных органов всевозможных справок, отчетов, сведений, плодящей бесконечную переписку, губящей всякое живое дело. Ведь как будто только вчера сказано!

— И последний вопрос, Михаил Михайлович, так сказать, традиционный. Что бы вы пожелали читателям «Советского патриота», прежде всего молодым?

— Ну что может пожелать молодежи человек, у которого трое детей и уже двое внуков? Главное, всегда помнить, что в жизни нет чернового, она сразу пишется на белом. И тут лучше совета, данного в свое время Маяковским юноше, «решающему делать жизнь с кого», не придумаешь: «Делай ее с товарища Дзержинского!»

Беседу вел В. БУБНОВ.